

Волынь: политика исторического беспамятства

Отношения истории и политики — вещь с переменными показателями. В современной Польше особенно. Политики там постоянно клянутся, что они верны памяти своих предков, гордятся их славой и никогда не забудут трагедий. И раньше были подозрения, что это не более чем выгодная риторика. Ситуация с 80-й годовщиной Волынской резни убедительно доказала, что дело обстоит именно так.

На страницах «СБ. Беларусь сегодня» не раз рассказывалось о той трагедии, которая развернулась на территории Западной Украины и примыкающих южных районов Белоруссии в 1943 году. И все же кратко напомним канву событий. В этом регионе на протяжении столетий смешанно проживали украинцы, поляки, евреи, русские, белорусы. Это стало результатом сложной политической истории, в частности взаимоотношений между Великим Княжеством Литовским и Королевством Польским. Так, в XIV—XV веках Волынь не раз становилась поводом для ожесточенных и кровопролитных конфликтов. Польские восстания в XIX веке выливались здесь в противостояние между православными украинскими крестьянами и католической польской шляхтой.

После Первой мировой войны маятник качнулся в другую сторону. Возрожденное польское государство стало проводить шовинистическую политику, угнетать остальные нации на своей территории. Параллельно Восточные Кресы заселялись вооруженными осадниками. Ответом стал рост национально-освободительной борьбы как в Западной Белоруссии, так и в Западной Украине. Польские власти широко применяли практику пачификаций, то есть карательных операций.

Гитлеровцы решили воспользоваться ситуацией. Еще перед началом Второй мировой войны они установили тесные связи с украинскими националистами. А разгромив Польшу и напав на СССР, сделали ставку на разжигание межнациональной вражды. Рейхскомиссару Украины Эриху Коху приписывают следующую фразу, емко характеризующую суть оккупационной политики: «Мне нужно, чтобы поляк при встрече с украинцем убивал украинца и, наоборот, чтобы украинец убивал поляка. Если до этого по дороге они пристрелят еврея, это будет как раз то, что мне нужно».

Кровавый путь к «вольной и соборной Украине»

Организация украинских националистов (бандеровское движение) и Украинская повстанческая армия (вооруженное крыло ОУН) рассматривали этнические чистки как часть борьбы за «вольную и соборную Украину». В их программных документах разжигалась ненависть, прежде всего к евреям, русским, полякам, а также тем украинцам, которые не следовали доктрине интегрального национализма. Бандеровцы приняли самое деятельное участие в организации и проведении Холокоста. Уже 30 июня 1941 года они устроили жуткий львовский погром. Он запечатлен на кино- и фотопленке. Невозможно без содрогания смотреть на эти кадры.

17—21 февраля 1943-го в местечке Олеско, что на Львовщине, состоялась III конференция ОУН, которая провозгласила начало «национального восстания». Правда, проходило оно в странной форме — в основном в виде

Убитые жители села Липники Костопольского района Волыни. 26 марта 1943 г. банды УПА расстреляли здесь 182 человека.

уничтожения мирного польского населения. Первые акции провели еще в феврале.

Маховик террора быстро раскручивался и достиг апогея летом. Фактически конец резне положило наступление Красной армии, освободившей Украину. Существуют разные оценки числа жертв. По некоторым данным, было убито до 100 тысяч человек.

После войны коммунистические власти проводили политику замалчивания старых обид. Как и в случае с Хатынью, не делался акцент на национальности палачей. Считалось, что главными виновниками геноцида являются исключительно гитлеровцы. А вот после 1991 года застарелые исторические проблемы стали всплывать друг за другом. И практически сразу Волынская резня превратилась в одну из острых тем польско-украинских отношений. Особенно ситуация осложнилась после Майдана 2004-го. Тогда бандеровская идеология набрала обороты, ее откры-

то исповедовали многие видные украинские политики, включая самого президента Виктора Ющенко.

Стратегия оправдания беспредела

Более того, в Украине выработали целую стратегию защиты и даже оправдания бандеровцев. Дескать, имела место не резня, а «польско-украинская война». Активным проводником такой концепции стал Владимир Вятрович, одно время возглавлявший отраслевой архив СБУ, а с 2014 года, после второго Майдана, ставший директором Украинского института национальной памяти. Стоит сказать, что Вятрович отрицает и участие бандеровцев в Холокосте, а также не раз уличался в прямых фальсификациях. Тем не менее именно его точка зрения стала господствующей в современной Украине.

В свою очередь правые польские политики сделали тему Волынской резни одним из краеугольных камней исторической памяти. Партия «Право и справедливость», еще находясь в оппозиции, не раз критиковала либеральное правительство за недостаточное внимание к этой теме.

Уже придя к власти, «Пис» довольно решительно требовала от официального Киева признания вины за совершенные преступления. В июле 2016-го сейм Польши постановил, что 11 июля будет считаться Национальным днем памяти жертв геноцида, совершенного украинскими националистами против граждан Польши. Но и Петр Порошенко, и Владимир Зеленский наотрез отказывались сделать какие-либо шаги не только к покаянию, но и к примирению. Еще бы!

Ведь они сделали из бандеровского движения объект поклонения, буквально канонизировали его. Как же теперь заявить, что его участники были преступниками? Это означало бы столкнуться с яростью современных последователей ОУН. А они отличаются крайне агрессивным и разнуданным поведением, попросту запугивая многих политиков.

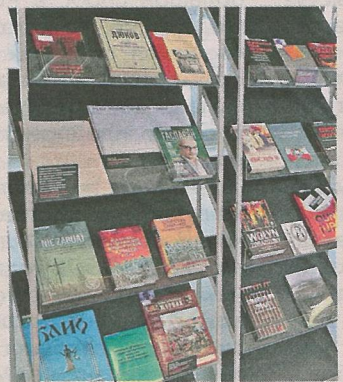
Неудобная годовщина

Приближавшаяся 80-я годовщина Волынской резни поставила власти Польши и Украины в крайне неудобное положение. Они сейчас являются самыми тесными союзниками в совместной борьбе против России. С мая прошлого года политическое сближение двух стран приобрело характер создания фактической конфедерации. Не зря заговорили о возрождении идеи былой Речи Посполитой, то есть о превращении Украины в польский протекторат. И при этом Киев по-прежнему отказывается признать вину за ту резню. Тогда возмущаться начали в польском обществе. Инициативу перехватили либералы. Уже они обвиняют «Пис» в пренебрежении исторической памятью. А ведь совсем скоро парламентские выборы. А тут еще отличился посол Украины в Варшаве. Василий Зварыч резко негативно воспринял очередную просьбу польского МИД покаяться за геноцид. В одной из социальных сетей он написал: «Любые попытки навязать президенту Украины или Украине то, что нам следует делать в отношении нашего общего прошлого, неприемлемы и досадны». Потом, правда, удалил этот пост.

Нужно было срочно что-то делать. Решили ограничиться малыми формами. Дуда и Зеленский встретились в Луцке, сходили вместе в костел. Никакого покаяния, никаких извинений. Моравецкий также съездил на Волынь, поставил крест, помолился. И все на этом. А тех, кто требует от властей более активной позиции в отношении памяти о Волынской резне, все громче называют российскими агентами. Ни больше ни меньше! Так произошло с участницами массовой акции у посольства Украины в Варшаве 9 июля. Ее организаторами стали Польское антивоенное движение и партия «Фронт». Люди пришли с плакатами «Волынь — помним». Кроме того, они выступали с требованием прекратить любое сотрудничество Польши с Украиной и ее поддержку до тех пор, «пока не будет осужден бандеризм», а также нормализовать отношения с Россией и Беларусью.

Избирательная память

Позиция польского правительства в отношении памяти о Волынской резне резко контрастирует с той исторической политикой, которую оно проводит в отношении Беларуси и России.

«ЗАБУТЫЙ ГЕНОЦИД»: НИЧТО НЕ ЗАБЫТО

Сегодня — 80-я годовщина «кровавого воскресенья» на Волыни, где 11 июля 1943 года наступила кульминация акции массового уничтожения украинскими националистами польского населения. К скорбной дате Национальная библиотека Беларуси подготовила книжно-документальную выставку «Забутый геноцид. Волынская резня 1943—1944 гг.», позволяющую осмыслить события прошлого, чтобы трагедия не повторилась в настоящем и будущем. На ней представлено около 60 документов из фонда НББ: научные и научно-популярные книжные издания, сборники архивных документов, статьи из периодики. Книжная часть экспозиции дополнена баннерной выставкой Национального архива «Без срока давности. Беларусь». Планируется, что работать выставка будет до 10 августа в галерее «Лабиринт» на 3-м этаже НББ, время работы экспозиции соответствует режиму работы библиотеки, вход на мероприятие — по читательскому билету или билету социокультурного центра.

Разжигаются различные обиды и претензии. Так, о трагедии в Катыни в российском обществе существуют различные точки зрения и версии произошедшего. Тем не менее советское правительство при Горбачеве в 1990 году признало свою ответственность за расстрел. Эта же линия была продолжена и при Ельцине, и при Путине. Будучи премьер-министром, 31 августа 2009-го Владимир Путин в статье в польской *Gazeta Wyborcza* написал, что россиянам «понятны обостренные чувства поляков, связанные с Катынью». 26 ноября 2010 года Госдума России приняла заявление «О Катынской трагедии и ее жертвах». В нем те события признаются «преступлением, совершенным по прямому указанию Сталина и других советских руководителей», выражается сочувствие польскому народу.

Это резко контрастирует с украинским подходом. Например, в Украине так и не допустили к прокату или же трансляции по телевидению фильм «Волынь». А в России ленту Анджея Вайды «Катынь» демонстрировали в прайм-тайм.

И что же? Польша продолжает на чем свет стоит критиковать Россию за «забвение жертв Катыни» — и разводит самую нежную дружбу с киевским режимом, который и не собирается признавать ответственность за совершенный геноцид!

Вот и все, что нужно знать о польской политике исторической памяти. Точнее, управляемого беспамятства по схеме: тут помню, а вот здесь не помню.

К польским политикам здесь нет никаких вопросов. С ними все и давно понятно. Но нельзя удержаться, чтобы не спросить простых поляков, наших соседей: неужели вы готовы и дальше мириться с таким откровенным манипулированием отечественной историей и забвением памяти принесенных жертв? Скорее всего, это вопрос риторический. Пока.

Вадим ГИГИН,
кандидат исторических наук.